

Гуаньсинь залпом допила чай, положила руку на ладонь Вэньсиня и с кокетливой улыбкой спросила:

— Шисюн, ты скучал по мне?

Вэньсинь кивнул. При свете свечей Гуаньсинь выглядела еще более очаровательно, чем днем. Ее глаза, напоминающие феникса, и персиковые щеки делали ее типичной красавицей.

— Гуаньсинь, в твоём возрасте уже давно пора выходить замуж. Я... извини... я подвел тебя...

— Шисюн... — Гуаньсинь резко прервала его. — Почему ты всегда говоришь об этом? Через год я смогу уйти, и тогда мы уйдем вместе, хорошо?

Вэньсинь смотрел на ее очаровательное лицо, и вдруг в его душе снова возникла печаль.

Больше трех лет назад, когда он выздоровел после ранения у Му Цинфэна и вернулся в горы, чтобы почтить память учителя, он нашел письмо от Гуаньсинь. Из него он узнала, что она, следуя указанию учителя, должна была служить Ван Сыдао, дяде императора, в течение пяти лет.

Отец Ван Сыдао в молодости был влюблен в учителя Вэньсиня, известного под именем «Лю Еюань». Однако разница в их статусах — аристократа и наемного убийцы — стала непреодолимой преградой, и они расстались со слезами на глазах. «Лю Еюань» пообещал, что если семье Ван когда-нибудь понадобится помощь, он отправит одного из своих учеников на службу на пять лет.

Прошло почти четыре года, и каждый раз, вспоминая Гуаньсинь, Вэньсинь чувствовал гнетущее чувство вины. Если бы он вернулся раньше, он мог бы заменить ее, и тогда сейчас Гуаньсинь уже была бы замужем, жила бы спокойной жизнью, не занимаясь опасными делами наемного убийцы.

Он с трудом улыбнулся:

— Да, еще год...

Его мягкий взгляд был полон беспокойства.

— В этот год будь осторожна!

«Лю Еюань» в свое время был известен по всему миру, убил множество людей, но в конце концов сам погиб от руки наемного убийцы. Хотя Вэньсинь не спрашивал, он знал, что Гуаньсинь, служа Ван Сыдао, занималась темными делами, связанными с убийствами.

За годы, проведенные рядом с Му Цинфэном, он, конечно, знал, что Ван Сыдао был хитрым, коварным и жестоким, используя любые средства для устранения своих врагов.

Его беспокоило то, сможет ли Гуаньсинь, работая на него, в конце концов выйти сухой из воды.

Вэньсинь, как в детстве, сжал ладонь, удерживая руку Гуаньсинь, и вздохнул:

— Шимэй, если у тебя появится кто-то, кто тебе понравится, обязательно скажи мне. Я позабочусь о тебе.

Щеки Гуаньсинь слегка покраснели, но она не проявляла смущения. Ее взгляд вдруг стал

горячим, она смотрела прямо в глаза Вэньсиня и серьезно сказала:

— Мне нравится только ты, шисюн.

Вэньсинь мельком взглянул на нее, отвел взгляд и, глядя на мерцающее пламя свечи, тихо сказал:

— Не говори глупостей.

Гуаньсинь резко выдернула руку, схватила его пальцы обеими руками и крепко сжала:

— Я не говорю глупостей. Мне действительно нравится только ты.

Вэньсинь напряг пальцы, освободился от ее хватки, встал и, повернувшись к стене, сказал немного резко:

— Шимэй, хватит.

Гуаньсинь широко раскрыла глаза, слезы замерли в них, но она сдержала их.

Она медленно поднялась, обняла Вэньсиня сзади, почувствовала тепло его тела сквозь тонкую одежду и прижалась головой к его спине. Только тогда слеза выкатилась из ее глаза, оставив мокрое пятно на его спине.

— Ты не любишь меня... Я знаю...

Спина Вэньсиня стала жесткой, как камень, он не двигался и не проявлял ни капли мягкости.

Прошло неизвестно сколько времени, когда вдруг его спину коснулся холод, и легкий звук открывающегося окна впустил ночной ветер.

Вэньсинь так и не обернулся, только тихо вздохнул.

Его сердце уже принадлежало другому, как он мог отдать его ей?

Ван Сыдао среди ночи вытащил сын из постели наложницы, и он был в ярости. Но когда он увидел своего единственного сына, Ван Цзинфэя, с синяками, хромающего и в полном беспорядке, его гнев превратился в ярость.

К тому же, Ван Цзинфэй добавил масла в огонь, рассказав все подробности происшествия. Это подлило масла в огонь, и Ван Сыдао был в ярости. Как кто-то в столице осмелился перечить семье Ван? Это было просто невероятно!

Он немедленно приказал патрулю города арестовать виновных.

— Эй, эй...

Ван Цзинфэй ударил Цзя Лю по затылку.

— Потише, ты что, хочешь убить меня?

Цзя Лю, криволицый и косоглазый подхалим, съежился. Несмотря на боль, он с раболепным видом сказал:

— Раб виноват, раб виноват...

Он еще аккуратнее наносил лекарство на порезы на лице Ван Цзинфэя, а тот продолжал стонать:

— Мое красивое лицо, оно не испортилось, правда?

Цзя Лю подумал про себя: раньше ты выглядел как крыса, а сейчас, после побоев, как собака. Какое уж тут «красивое лицо»?

Однако вслух он сказал без малейшего колебания:

— Конечно нет! Ваше лицо — единственное в своем роде, и эти мелкие царапины никак не испортят его. Не волнуйтесь... Врач сказал, что шрамов не останется.

В этот момент вбежал слуга:

— Молодой господин, я только что слышал, как господин приказал страже отменить приказ патрулю...

Ван Цзинфэй резко сел:

— Отменить? Что отменить?

Слуга ответил:

— Кажется, он сказал, чтобы не искать виновных по всему городу...

Ван Цзинфэй пнул слугу и, с лицом, покрытым желтой мазью, выбежал из комнаты.

Он распахнул дверь и закричал:

— Отец, что происходит? Неужели я зря получил эти побои?

Ван Сыдао только что вернулся с аудиенции у императора и еще не успел сменить официальную одежду. Услышав это, он сердито посмотрел на сына, затем повернулся к Дуань Яньчэню:

— Господин Дуань, как вы считаете, что мне теперь делать?

Дуань Яньчэнь погладил подбородок, прошелся по комнате туда-сюда и сказал:

— Это дело стало известно всем меньше чем за день, и скоро император тоже узнает. По моему мнению, завтра утром на аудиенции вы должны сами признать свою вину. Это будет шаг назад, чтобы сделать шаг вперед.

Брови Ван Сыдао сдвинулись так, что между ними можно было зажать волос. Он кивнул и с сожалением вздохнул:

— Пусть будет так, как вы сказали.

Когда Дуань Яньчэнь вышел, Ван Цзинфэй не выдержал:

— Отец, почему ты приказал патрулю прекратить поиски?

Ван Сыдао закричал:

— Заткнись! Лучше бы тебя убили!

Ван Цзинфэй остолбенел. Что произошло? За один день все изменилось.

Оказалось, что, вернувшись с аудиенции, Ван Сыдао услышал доклады стражи и Дуань Яньчэня и узнал, что за одну ночь слухи о Ван Цзинфэе распространились по всему городу.

Теперь, вероятно, даже трехлетние дети знали, что сын дяди императора, племянник вдовствующей императрицы, был избит в павильоне Ялю из-за неудачной попытки воспользоваться услугами проститутки. Вместе со слухами распространился и портрет Ван Цзинфэя с лицом, похожим на свиное, хотя рисунок был сделан всего несколькими штрихами, но крайне реалистично.

Кроме того, учитывая дурную репутацию Ван Цзинфэя, народ был в восторге, и все аплодировали. Семья Ван стала самым популярным объектом насмешек в столице!

Ван Сыдао больше не осмеливался приказывать патрулю искать виновных. Если бы их не нашли, это было бы еще ничего, но если бы нашли, это вызвало бы народное возмущение!

Поэтому он срочно обсудил с Дуань Яньчэнем, как действовать дальше. Эти новости, несомненно, скоро дойдут до императора, а семья Ван, будучи родственниками императора, опозорила и его, и вдовствующую императрицу!

Ван Цзинфэй еще думал, как бы ему схватить тех двоих и как их мучить, а тут уже все закончилось. Это было настолько разочаровывающе, что он чуть не выплюнул кровь от злости!

А те, кто стал причиной всего этого, спокойно закончили рисовать последнюю картину. Гу Шаобай передал стопку рисунков Фан Цинчи, чтобы тот их распространил.

Затем он не спеша откинулся на спинку стула, потирая уставшее запястье, и встал.

Был уже полдень, и, попрощавшись с Му Люнянем, он собрался вернуться домой.

Солнце раннего лета ярко освещало каменную дорогу, и после долгого рисования и яркого света у него немного закружилась голова. Он схватился за стену, ожидая, когда пройдет головокружение.

Рядом стояла ничем не примечательная зеленая паланкин, занавеска которой была слегка приоткрыта, и внутри кто-то увидел человека, опирающегося на стену.

Человек в паланкине тихо сказал:

— Остановите паланкин.

Два носильщика, казавшиеся обычными, поставили паланкин на землю без малейшего колебания, что говорило о их мастерстве.

Му Цинфэн приоткрыл занавеску еще шире. Когда Лэн Дун первым делом принес ему портрет Ван Цзинфэя, он почти сразу понял план Гу Шаобая.